

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

Katherine Center
HOW TO WALK AWAY

Copyright © 2018 by Katherine Center
Published by arrangement with St. Martin's Press. All rights reserved.

Перевод с английского *Ольги Болятко*

Художественное оформление и иллюстрация
на переплете *Анастасии Ивановой*

Сэнтер, Кэтрин.

С97 Уходи и будь счастлива / Кэтрин Сэнтер ; [пер. с англ. О. А. Болятко]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-098648-4

Сердце Маргарет всегда уходило в пятки при одной только мысли о самолетах. На удивление, притупить этот страх ей помогло средство «от противного».

В день своей помолвки Маргарет попала в авиакатастрофу на частном самолете. Ей удалось сохранить жизнь, но все вокруг нее стремительно изменилось. Жених оказался слабаком, а в семье начались размолвки. Вдобавок ко всему тренер Маргарет по реабилитации, Ян, оказался самым недружелюбным мужчиной на свете. А ведь она вынуждена проводить с ним каждый день! Но Маргарет готова преодолеть трудности. И словно в благодарность, судьба посылает ей человека, который становится для нее настоящим ангелом-хранителем.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Болятко О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098648-4

Глава 1

Ирония судьбы заключалась в том, что я всегда боялась летать.

Всегда. С того момента, как достаточно повзрослела, чтобы думать об этом.

Это казалось мне противоречащим здравому смыслу. И даже немного самонадеянным. Зачем стремиться вверх, когда сила притяжения явно хочет оставить нас на земле?

Когда я училась в колледже, родители как-то решили отправиться со мной и моей старшей сестрой Китти на Гавайи. Я боялась полета с той минуты, когда они сообщили нам об этом, до самого нашего возвращения домой. Выражение «лететь на Гавайи» мне казалось эквивалентным выражению «утонуть в океане». За неделю до поездки я уже начала планировать стратегию выживания. Как-то ночью, когда все легли спать, я пробралась в комнату Китти и залезла к ней в кровать.

Я училась на первом курсе, а она уже заканчивала колледж, поэтому я очень дорожила ее мнением.

— Каков будет план? — решительно спросила я.

Она лежала, зарывшись лицом в подушку.

— План чего?

— Когда самолет упадет.

Сестра открыла один глаз:

— Упадет куда?

— В океан. По пути на Гавайи.

Она секунду смотрела мне в глаза.

— Этого не случится.

— У меня плохое предчувствие, — сказала я.

— Ты нас сглазишь.

— Я серьезно. Нам нужно выработать стратегию выживания.

Китти протянула руку и потрепала мою челку:

— Стратегии выживания не существует.

— Должна существовать.

— Нет. — Она покачала головой. — Потому что, если мы не упадем, нам она не нужна. А если упадем... — Она сделала паузу, чтобы я сама могла домыслить ее фразу.

— Нам она уже не будет нужна?

Китти кивнула:

— Мы просто будем мертвыми. — И она щелкнула пальцами.

— Тебе это кажется таким простым?

— Умереть просто. Тяжело не умирать.

— Похоже, в этом что-то есть.

Она закрыла глаза.

— Конечно, ведь это я мозговой центр семьи.

— Я думала, что это я мозговой центр, — сказала я, слегка подталкивая ее локтем.

Сестра перевернулась на другой бок.

— Ты сама знаешь, что ты наша красавица.

Невероятно, но мы пережили эту поездку.

Точно так же невероятно я пережила после этого много других перелетов, никогда не сталкиваясь ни с чем более опасным, чем турбулентность. Я читала статистику о том, что самолеты — самый безопасный вид транспорта, безопаснее автомобилей, поездов и гондол. Я даже как-то проходила стажировку в офисе, расположенном прямо рядом с международным аэропортом, и наблюдала целый

день за тем, как безо всяких проблем взлетают и садятся самолеты. Я была должна давно забыть свои страхи.

Но меня никогда не покидало чувство, что слова «лететь» и «разбиться» были в некотором роде синонимами.

Теперь, спустя годы, я встречалась — с самыми серьезными намерениями — с парнем, который со дня на день должен был получить лицензию пилота. Наши отношения были настолько серьезными, что в эту конкретную субботу, когда мы собирались отпраздновать мое почти официальное поступление на работу моей мечты, я не могла отделаться от предчувствия, что мне сделают предложение. В любую минуту.

Именно поэтому я надела летнее черное платье с открытыми плечами.

Если бы я задумалась над этим, я могла бы усомниться, что мой бойфренд, невероятно подтянутый и очаровательный Чарльз Филипп Данбар, сможет быть идеальным спутником во всех отношениях, учитывая, каким энтузиастом авиаполетов он был. Чип никогда не задумывался над опасностью полетов — или вообще над опасностью делать что-нибудь рискованное, например, плавать с аквалангом или прыгать с тарзанкой. У него была неистребимая вера в упорядоченность вселенной и непоколебимость принципов физики, равно как и в право человека изменять эти принципы по своему желанию.

Что касается меня, я всегда подозревала, что хаос сильнее порядка. Когда дело доходило до противостояния Человека и Природы, я всегда ставила на Природу.

— Ты просто мало уделяла внимания естественным наукам, — всегда говорил Чип, словно я была просто недоучкой.

Его замечание было вполне справедливо. Но это не значило, что я была не права.

Чип верил, что, если он научится летать, это избавит меня от моих страхов. Он верил, что я настолько вдохновлюсь его примером, что мне не останется ничего иного, кроме как расслабиться и получать удовольствие.

По этому вопросу мы договорились иметь разное мнение.

— Я никогда, никогда не полечу с тобой, — объявила я перед его первым уроком.

— Это ты сейчас так думаешь. Но придет день, когда ты станешь умолять меня взять тебя с собой.

Я отрицательно покачала головой:

— Ни за что.

— Поживем — увидим.

Теперь он был почти сертифицированным пилотом. Он уже сдал самостоятельный и маршрутный полеты. Он налетал вдвое больше часов, чем требовалось, чтобы основательно подготовиться. И что осталось? Контрольное испытание, во время которого опытный пилот полетит с ним и будет создавать «стрессовые ситуации».

— Не говори мне какие, — заявила я.

Но он все равно рассказал:

— Например, он специально заглушит мотор, и мне нужно будет с этим справиться, — объяснил он, весьма довольный перспективой продемонстрировать свое умение. — Или совершить посадку на короткую полосу, где заведомо мало места. И, конечно, ночной полет.

Контрольное испытание было назначено на следующую неделю. С ним все будет в порядке. Чип был из тех людей, которые становятся только спокойнее, когда все идет кувырком. Из него выйдет отличный пилот. И я буду совершенно спокойна, когда он станет летать, сколько ему захочется. Но один.

Но прежде всего мы собирались обручиться, по крайней мере, я на это надеялась — в День святого Валентина.

Я не могу сказать, откуда я это знала. Я просто чувствовала это весь день, как предчувствуешь, что пойдет дождь. К тому моменту, когда я усаживалась в его джип, я уже была уверена.

Я знала Чипа очень давно. Мы встречались с ним уже три года. Я знала каждое выражение его лица и каждый изгиб его тела. Я знала, когда он делает вид, что ему смешно, или когда он врет. Я могла сказать в ту же секунду, понравился ему человек или нет. И я, безусловно, знала, когда он что-то скрывает — особенно то, что его волнует. И хотя это свидание было в точности таким же, как и все остальные, я знала, что должно произойти что-то очень важное.

Я полагала, что он везет нас в итальянский ресторан, украшенный разноцветными огоньками, где проходило наше первое свидание. Но, вместо того чтобы направиться в центр города, он повернул в сторону скоростной автострады и помчался вперед.

Крыша джипа была открыта, и я ухватилась руками за свои волосы.

— Куда мы едем? — прокричала я.

— Это сюрприз! — крикнул он в ответ.

Мое сердце ушло в пятки. Как и всегда, я догадалась о его намерениях даже без намека с его стороны. Это было настоящей проблемой для нас. Я слишком хорошо его знала. Он не вез меня ужинать. Он вез меня в аэропорт.

Спустя двадцать минут мы оставили Хьюстон далеко позади. Он затормозил у ангара на частном аэродроме посреди чистого поля.

Я огляделась вокруг.

10 КЭТРИН СЭНТЕР

— Ты это серьезно?

Он наклонился ко мне:

— Ты удивлена?

— И да, и нет.

— Просто притворись. Я хочу удивить тебя хотя бы раз.

— Отлично. Я шокирована. Я потрясена.

— Не нужно притворяться так сильно.

Он подошел ко мне, взял меня за руку и, трусливо пригнувшись, потянул за собой вдоль ангара.

Я шла за ним в состоянии когнитивного диссонанса — отлично зная, что он делает, и в то же время уверяя себя, что он не может так поступить.

— Ты собираешься тайком затащить меня туда? — прошептала я.

— Все отлично. Мой друг Дилан сделал это на прошлой неделе со своей подружкой.

Я попыталась отнять у него свою руку:

— Чип, я не могу!

— Конечно, можешь!

— Это — противозаконно?

— Я просто хочу показать тебе свой самолет.

— Это не твой самолет, приятель.

— Ну, почти.

Я не имела ни малейшего желания видеть его самолет. Ни малейшего. Меня интересовали вино, закуски и свечи. Я почти что получила работу своей мечты! Я хотела праздновать. Я была в настроении чувствовать себя прекрасно, а не ужасно.

— А мы не можем просто поехать поужинать?

Он посмотрел по сторонам, потом повернулся ко мне:

— Любой может поехать поужинать.

— Я не против быть этим «любим».

— А я против.

Потом, убедившись, что путь свободен, он затащил меня в ангар и остановился около маленькой «Сессны». Она выглядела как самолет из мультфильма — крылья вверху, туловище внизу и маленький пропеллер на носу. При этом она весьма патриотично была раскрашена красными, белыми и синими полосами.

— Симпатичная, — сказала я, кивнув. *Отлично. Мы закончили.*

Но он взял меня за плечи и направил в сторону кабины.

Я отступила на шаг:

— Что ты делаешь?

— Давай прокатимся.

— Я боюсь летать. Забыл?

— Пора покончить с этим.

— Меня вырвет. Мне станет плохо.

— Нет, со мной не станет.

— Это относится не к тебе. Это относится к полетам.

— Тебе просто нужен правильный пилот.

Я затрясла головой, отчасти от неверия в происходящее, отчасти в знак отказа.

— Ты даже не сертифицирован.

— Я почти сертифицирован. Я сделал все, что полагается.

— Кроме контрольного испытания.

— Но контрольное испытание проводится для того, чтобы показать то, что ты *уже знаешь*.

— Чип? *Нет.*

— Маргарет? *Да.* И прямо сейчас, пока нас не застукали.

Я почти физически ощущала его настойчивость, как ощущаешь сильный ветер, с которым нужно бороться.

Он хотел сделать это. Он хотел, чтобы я сделала это — показала веру в него, в его умение. Это было не совсем проверкой, но это было тем, перед чем я могла спасовать.

Я не была человеком, который перед чем-либо пасовал.

Я была человеком, который *справлялся* со всем.

Настал важный момент. Словно это была проверка моей храбрости, и доверия, и готовности к приключениям — словно это должно было показать что-то главное во мне, кто я такая и как буду жить оставшуюся жизнь. Отказаться лететь сейчас внезапно стало означать, что я навсегда отказываюсь от всех дальнейших возможностей. Хотела ли я стать человеком, который может позволить минимальному статистическому риску подорвать его смелость? Было ли это вызовом, с которым я не смогла бы справиться? Собиралась ли я позволить страху сделать меня *жалкой*?

Я не была уверена, что у меня есть выбор. Чип был Чипом. Он был моим идеальным мужчиной, и я так считала с того момента, как его родители поселились рядом с моими, когда мы оба учились в колледже. Наши матери стали лучшими подругами и пили вино и сплетничали, сидя во внутреннем дворике. Но я видела его только на каникулах. Летом его отец заставлял сына стричь газон, и я обычно стояла у окна и наблюдала за ним. Однажды мама уговорила меня отнести Чипу бутылку воды, и он проглотил все содержимое залпом. Я до сих пор помню это.

Но на самом деле я едва знала его, пока случайно мы не оказались в одной бизнес-школе в Остине. Я была руководителем студенческой научной группы, и он работал под моим началом, что шло ему на пользу.

И тогда мы влюбились друг в друга.

Я вышла бы за него замуж в первый же вечер, когда мы поцеловались. Он был именно таким парнем. Высоким, чисто выбритым, светловолосым, типичным американцем. А еще успешным и уверенным в себе. Просто мечта. Люди всегда делали то, что он хотел. Я чувствовала себя счастливицей рядом с ним, и я писала на бумажке «Маргарет Данбар» чаще, чем хотела бы признаться в этом. Однажды я перебрала в Гугле все породы собак в поисках нашего будущего питомца. А как-то вечером, когда я для кого-то делала покупки в интернет-магазине стройматериалов, я набрала в поиске «деревянные заборные планки». Просто чтобы посмотреть, сколько они стоят.

И вот теперь мы закончили бизнес-школу, получив новенькие дипломы MBA, и готовились приступить к нашей новой работе. Через друга своего отца Чип нашел себе работу бизнес-аналитика в инвестиционном банке, а я собиралась работать менеджером по развитию бизнеса в нефтегазовой компании под названием «Симтекс петролеум». Его работа была хорошей, но моя намного круче, и я всегда думала, что с его стороны было очень благородно и мило так радоваться моему успеху.

По правде говоря, я была не слишком подходящим кандидатом на эту должность. Им требовался человек с пятилетним опытом работы в этой области и опытом ведения международных контрактов, которого у меня не было. Но мой научный руководитель готов был пойти на риск ради меня и попросил своего друга написать потрясающее рекомендательное письмо. Там говорилось, что я «энергична, прозорлива, умею решать проблемы, прекрасно общаюсь с людьми, отлично работаю в команде и обладаю острым чутьем в области бизнеса и финансов».

Когда мой руководитель показал мне описание этой вакансии, я рассмеялась:

— Я даже близко не гожусь для этой работы.

— Люди постоянно получают работу, для которой они не подходят.

Я стала читать объявление внимательнее.

— Они же хотят «стратегически мыслящего в логистических операциях специалиста».

— Ты справишься.

— Я боюсь.

— Теперь ты рассуждаешь, как девчонка.

— Я и есть девчонка.

— Нам нужно исправить это.

Я с удивлением посмотрела на него.

— Когда пойдешь на собеседование, притворись мужчиной.

Я закрыла глаза.

— Притвориться мужчиной.

— Крутым мужиком, — подтвердил он. — Парнем, который не только подходит на эту работу, но может сделать гораздо больше.

Я покачала головой.

— Квалификации бледнеют перед лицом уверенности, — сказал он.

— Как скажете, — сдалась я.

Хотя я не верила в это ни секунды. В тот день я отправилась на собеседование, готовая к тому, что меня со смехом выставят из комнаты. Но я делала все, что он мне сказал. Я притворялась, как могла, хотя бы для того, чтобы доказать своему наставнику, что он ошибается.

А потом мне предложили эту работу. То есть, по крайней мере, когда их кадровик провожал меня до выхода, он тронул меня за плечо и сказал:

— Это еще не официально, но вы приняты.

Мое начальное жалованье должно было быть на пятьдесят тысяч больше, чем у Чипа, но моя мама посоветовала мне не говорить ему этого. Важным было другое: мы начинали жить самостоятельно. Все вставало на свои места.

И здесь, на аэродроме, я не хотела ничего испортить.

Чип сжал мои руки:

— Ты доверяешь мне, правда?

— Да.

Вроде бы.

И тогда он поцеловал меня — мужественным, решительным поцелуем, как бы говорящим: «Это все может стать твоим». Он проник языком в мой рот, явно считая этот жест сильнодействующим и эротичным, чего я не почувствовала, учитывая, что полнейший ужас от того, что я собиралась сделать, заморозил мою кровь.

Потом он похлопал меня по ягодицам и сказал:

— Залезай внутрь.

Что я могла сказать? Я подчинилась.

Но уверяю вас, мои руки были холодными, как лед.

Пока я пристегивала ремни безопасности, я решительно сказала себе: ты поступаешь правильно. Разве не в этом, в конечном счете, заключается любовь? Говорить *да* не только тогда, когда это легко, но и когда это трудно?

Конечно, любой психоаналитик, стоящий своего диплома, легко привел бы контраргумент — что следует доверять своей интуиции и не нужно позволять Чипу заставлять меня делать то, чего мне делать не хочется. Что отсутствие реакции при виде моего явного дискомфорта в угоду своему желанию показать себя суперменом не является хорошим предзнаменованием с точки зрения долгосрочных перспектив.

Но я была не у психоаналитика.